

УДК 81.27

Ненормативный русский: живее всех живых

О.В. Фельде*

Сибирский федеральный университет
Россия 660041, Красноярск, пр. Свободный, 79¹

Received 14.12.2009, received in revised form 21.12.2009, accepted 28.12.2009

Статья посвящена проблеме состояния современного русского национального языка. Особое внимание уделено процессу динамичного развития его ненормативных подсистем.

Ключевые слова: современный русский национальный язык, функционально-семиотическая разновидность языка, прогрессивные и регрессивные изменения в языке.

Медицинские метафоры «здоровый язык», «больной язык», «хронически больной язык», «умирающий язык» и т.п. с легкой руки А.Е. Кибрика (Кибрик, 1992: 67 – 79) вошли в широкий лингвистический оборот. Сегодня о «здоровье» русского языка пишут не только социолингвисты, профессионально занимающиеся проблемами языкового состояния (Химик, 2006 и др.), но и представители других языковедческих специальностей. В споры о характере языковых изменений активно включаются литераторы, журналисты, учителя и вообще все люди доброй и недоброй воли. Некий Борис Мельц в популярной газете «Вечерний Нью-Йорк» опубликовал статью «У русского языка нет будущего». Автор констатирует, что у языка народа, чья классическая литература признана ЮНЕСКО одним из высочайших достижений мировой цивилизации, прекрасное прошлое и грустное настоящее. «Возможно, как мертвый язык, – смело предполагает он, – через два или три века он будет вызывать интерес филологов и

историков как язык Достоевского и Толстого, Ленина и Сталина, русской литературы XIX века и русской революции XX века» (Мельц, эл. ресурс: [<http://www.vechny.com/pismapsr/ps051701.htm>]). Пессимистической точки зрения придерживаются и некоторые известные писатели. Например, Александр Кабаков полагает, что с языком настоящее время происходит то же самое, что и после захвата власти большевиками: «Как ни странно, но 17-й год и 90-е годы, если говорить не о политике, не об идеологии, а о социальной картине в целом, представляют собой одно и то же. Это воцарение во всех сферах жизни демократии. Последнее слово и тогда, и сегодня – за массами. ... А демос, по сути своей, охранять культурные ценности не может. Он их может только рвать» (Писатели о языке, 2005). К мысли о том, что современный русский язык болен, склоняются многие педагоги, но правомерно ли ставить такой диагноз современному русскому национальному языку во всей совокупности его подсистем? Как известно, на-

* Corresponding author E-mail address: Fedeo@list.ru

¹ © Siberian Federal University. All rights reserved

циональный язык включает в себя несколько функционально-семиотических разновидностей (форм существования), которые различаются кругом своих носителей - представителей разных типов речевой культуры, а также специфическими наборами маркирующих языковых элементов. В частности, выделяют мертвый русский (язык письменных текстов XIV – XVIII вв.), литературный русский, народно-разговорный (обиходный) русский, языки для специальных целей (терминосистемы, стихийно сложившиеся терминологии, профессиональное просторечие), просторечие, территориальные диалекты русского языка, социолекты (корпоративные жаргоны, сленг (интержаргон), профессиональные аргы, воровское аргы), региолекты и региосоциолекты (жаргонизированное локально окрашенное просторечие), маргинальный русский, русско-национальные пиджины, эргативный русский (русский матерный). Для каких же форм русского языка действительно характерны «болезненные проявления», а какие и сегодня живее всех живых?

С социолингвистической точки зрения, «болезнь языка» – это регрессивные изменения в языковой структуре и сфере функционирования. Тяжесть «болезни» определяется степенью «продвинутой точки языка к мертвой точке» (Мечковская, 2003). История знает немало примеров, когда регрессивные изменения в сфере функционирования приводили к переводу того или иного языка из разряда «живых» в «мертвые». В большинстве случаев этот процесс затрагивал коммуникативно слабые языки с несложившейся системой форм и стилей. Однако известны и примеры исчезновения языков с развитой литературной формой (латынь, санскрит и др.). Таким образом, как внутренние, так и внешние регрессивные изменения опасны для языков.

Состояние, или «здоровье», той или иной функционально-семиотической подсистемы (воспользуемся вновь медицинской метафорой!) определяется прежде всего коммуникативной мощностью (т.е. числом носителей) и активностью словообразовательных процессов. С этой точки зрения абсолютно «здоровы» русские социолекты (исключая разве что *арго* – «тайные языки профессионально обособленных групп» (см. о них, например, в работах В.Д. Бондалетова). Число носителей социальных диалектов неуклонно растет. И не только за счет молодежи: жаргонами сейчас пользуются люди разных возрастов. Сфера употребления социолектов заметно расширилась по сравнению с советским периодом. Они активно используются для обслуживания различных форм субкультуры, в языке художественной литературы, на производстве, в быту. Все социолекты современного русского языка динамично развиваются. Исследователи отмечают активное словотворчество, причем оно происходит главным образом на базе ресурсов родного языка (*сопромат* – «сопромат»; *зарубежка* и *заруба* – «зарубежная литература»; *курсач* – «курсовая работа»; *морковка* – «анодный штырь»; *кормилица* – «электролизер, который выдает большое количество алюминия» и мн. др. примеры). Иноязычное слово, попав в тот или иной жаргон, нередко русифицируется или заменяется русским эквивалентом (*сидерум* – *сидюшник* / *сидюк*; компьютер – *комп* – *железо* / *железяка*; E-mail – *мыло* и др.). В какой-то степени социолекты – лаборатория русского словопроизводства, и в этом заключается едва ли не основной лингвистический смысл их существования. Отдельные жаргонные слова и выражения в силу социокультурных, психологических, возрастных и т.п. причин проникают в народно-разговорный язык, в просторечие, региолекты, а иногда и в лите-

ратурный язык. Такие элементы получают статус жаргоноидов: *егэшные задания, тусовка, крутой* (последнее слово развило целый спектр значений – «решительный», «резкий», «несговорчивый», «жестокий» (*крутой рэкетир*); модный, эффектный, неординарный (*крутой бутик, крутой костюмчик*); «очень значительный», «сильный», «действенный», «эффективный» (*крутая цена, крутая машина*); «принадлежащий к новой элите» (*крутой* – в значении субстантивированного прилагательного) (Квеселевич, 2003: 369).

Сохраняет «здоровье» и русское просторечие. Основной социальный субстрат традиционного городского просторечия – малообразованные люди с низким уровнем общей и речевой культуры. Они по-прежнему весьма многочисленны в пределах Отечества. Однако в последние десятилетия круг лиц, которые используют с определенными коммуникативными установками просторечные элементы, существенно расширился. Функционально-семиотическая система просторечия оказалась идеально приспособленной для эмоционально-экспрессивного усиления речи, а также упрощения коммуникации. Элементы современного просторечия иногда преднамеренно используют и люди с высоким образовательным цензом. В.В. Химик полагает, что в большинстве случаев это связано с актом языковой игры, которая проявляется в социальном, рекреативном и собственно лингвистическом аспектах: «Социальный аспект языковой игры – реализация антиповедения, манифестация оппозитивности, отказ от языковых стереотипов (ср.: тусоваться, фраер, предки). Рекреативный аспект игры – потребность в психологическом расслаблении, развлечении, речевой забаве (ср.: бормотуха, остаканиться, матюгальник, членовоз, муж объелся груш). Собственно лингвистический аспект игры – «общение с

возможностями языка», тренировка, проверка возможностей «инструмента» (ср.: шиз, шиза, шизуха, шизелово; наконтрабаситься, insultпривет, чаокакао и пр.)). (Химик, эл. ресурс: [<http://fixed.ru/prikling/conf/stilsist3/sovredygfwr1.html>]).

Просторечие можно назвать эмоциональной лабораторией языка: здесь образуются и функционируют экспрессивно-окрашенные средства весьма разнообразных оттенков (ласк. *дитяtko, сахарок, мяско*); неодобр. *недоумок* – «глуповатый, недоразвитый человек»; грубо-прост. *надуваловка* «мошенничество» и т.п. В просторечии сверхпродуктивны суффиксы, которые в русском литературном языке не отличаются большой активностью: *мокрёхонький, довольнёхонький* и т.п. О разнообразии стилистической шкалы просторечия см., например, в работах В.В. Химики (2000).

Что касается территориальных диалектов, то они переживают явно не лучшие, а возможно, и худшие времена. Их носителями являются главным образом пожилые сельчане, малограмотные или не имеющие специального образования. Изменяется или исчезает среда бытования русских народных говоров. Так, согласно данным Госкомстата (2002 г.), за последние 13 лет в России были официально вычеркнуты из списков 11 тыс. селений. Кроме того, появилось 13 тыс. деревень и поселков, в которых никто не живет. Как показывает статистика, люди из мелких деревень (с населением 11 – 50 человек) переезжают в более крупные поселки. На 4 тыс. выросло число селений, в которых живет менее десяти человек. В основном это умирающие деревни, в которых живут одни старики (Народы РФ и языки. Итоги переписи, эл. ресурс: [<http://dipkurier.narod.ru/dipo/itogi.htm>]). Язык деревенской молодежи, которая получает полноценное среднее образование на

литературном языке, имеет широкий доступ к средствам массовой информации, к литературе, кино, заметно отличается от языка пожилых крестьян и близких к ним социальных групп. Традиция передачи народного говора по наследству во многих регионах нашей страны прервалась. Словарный состав территориальных диалектов пополняется преимущественно за счет внутренних заимствований из литературного, общенародного обиходного языка, из просторечия и жаргонов. Это приводит к нивелировке говоров, к резкому сокращению круга их носителей и сферы употребления. По наблюдению ученых, в чистом виде народные говоры встречаются ныне довольно редко.

Значительно шире круг носителей регионов и социорегиолектов – двух локально окрашенных форм существования русского национального языка. Обе эти близкие по своим характеристикам формы стали активно формироваться в годы индустриализации и «раскрестьянивания» страны. «Переселение в пределах бывшего Советского Союза носило невероятные размеры, – пишет З. Кёстер-Тома, – по официальным данным (они публикуются в прессе до 1979 года, затем перестают публиковаться), с 1951 года по 1979 год ежегодно из деревни в город переселялось 1,7 миллиона человек. Это привело к небывалому скоплению населения в городах. Так, в настоящее время существует 23 города-миллионера (по данным Госкомстата 2002 г., в России осталось лишь 13 городов-миллионеров: Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Нижний Новгород, Екатеринбург, Самара, Омск, Казань, Челябинск, Ростов-на-Дону, Уфа, Волгоград, Пермь. В них проживает треть населения страны. – Ф.О.). Переселение в города, идущее зачастую трехступенчато: село – пригород – город, играло одну из существенных ролей в распростране-

нии в городах языковой формации просторечия. Мигрировавшее из села в город население оставалось сельским, во всяком случае по языку. Социологи считают горожанами только тех людей, третье поколение которых живет в городе. А таких в городах в среднем насчитывается 15 %. Важно отметить, что в городах-миллионерах сельские жители составляют треть занятого населения, в больших городах – 46 %, а средних – 65 %. Этот слой людей использует в повседневном общении и в официальной обстановке языковые элементы просторечия, которому присущи черты диалектной речи, городского койне и жаргонных наслоений. Свои языковые привычки они переносят в новую городскую жизнь, которые в ней не растворяются, а, наоборот, приобретают доминантный характер в языковом общении. Обосновавшись в городе, сельский житель зачастую утрачивает традиционную диалектную речь, не приобщаясь к литературной речи, и на всю жизнь остается выбитым их привычной языковой колеи. Эти процессы нашли художественное воплощение в прозе писателей-«деревенщиков» – В. Шукшина, В. Астафьева, В. Белова, В. Распутина и мн. др. В их творчестве отражена стихийность смешения диалектной речи с городским койне и жаргонными наслоениями» (Кёстер-Тома, 1994: 19). Носители региосоциолектов – люди с низким уровнем речевой культуры, их социально маркированная речь оказывает существенное влияние на современное языковое состояние в целом.

Самую низкую ступень в иерархии функционально-семиотических разновидностей национального языка принято отводить матерному языку. По мнению Ю.И. Левина, он обслуживает мир, «в котором крадут и обманывают, бьют и боятся, в котором всё расхищено, предано, продано, в котором падают, но не поднимаются, берут, но не дают, в ко-

тором либо работают до изнеможения, либо халтурят – но в любом случае относятся к работе, как и ко всему окружающему и всем окружающим, с отвращением либо с глубоким безразличием» (цит. по: Шмелев, 2002: 15). Однако любой человек, живущий в современной России, знает, что обсценную лексику – непристойные, нецензурные слова и грубейшие вульгарные выражения – употребляют не только те, кто крадёт и обманывает, берёт и не отдаёт, но и те, кто пишет романы, снимает кино, лечит, защищает родину. Один из выдающихся представителей русской элитарной культуры, бывший фронтовик Ю.М. Лотман вспоминал: «Когда-то в романе «Огонь» Барбюс цитировал разговор окопного писателя с солдатами-однополчанами. Солдат интересовало, как их фронтовой товарищ будет описывать войну - с ругательствами или нет. И решительно заверяли его, что без ругательств написать правду о войне нельзя. По своему опыту скажу, что дело здесь не только в необходимости передать правду. Замысловатый, отборный мат – одно из важнейших средств, помогающих адаптироваться в сверхсложных условиях. Он имеет бесспорные признаки художественного творчества и вносит в быт игровой элемент, который психологически чрезвычайно облегчает переживание сверхтяжелых обстоятельств» (Лотман, 2005: 19). Есть и еще одно оправдание русского мата в окопах: он помогает в критических ситуациях, требующих мгновенной реакции, конденсировать смыслы и синтаксически сворачивать длинные фразы. Представьте на миг, что в русском языке нельзя по-иному передать смысл вот этого текста: «Пятый расчет! Приказываю немедленно уничтожить фашистскую батарею, ведущую прицельный огонь по нашим позициям» (аналогичный пример с переводом на русский матерный см: Царство мата, эл.

ресурс: [<http://www.log-in.ru/dtSection/news/default.asp?id=327>]).

Иногда обсценные слова и выражения используются как художественное средство для «погашения пафоса». Тимур Кибиров, например, употребляет матерные выражения в стихотворениях, написанных гекзаметром.

Русский мат выполняет множество функций и в повседневной гражданской жизни: повышает эмоциональности речи, демонстрирует раскованность и пренебрежение к системе запретов, помогает самоутвердиться во взрослом мире подростку (по крайней мере, он сам в этом абсолютно убеждён), наконец, служит мощным словесным оружием, когда унижает адресата речи, оскорбляет его. Писатель Андрей Дмитриев, отвечая на вопрос журнала «Отечественные записки» (2005. № 2), «для чего, по вашему мнению, нужна брань вообще и русский мат, в частности?» ответил: «Брань вообще нужна для того, чтобы браниться. Русский мат нужен для ежемоментного преодоления коммуникативной пропасти. Большинство населения страны плохо знает русский язык и не умеет им пользоваться – при избытии и многосложности чувств, реакций, нюансов отношения к любому из мгновений жизни. Мат – это язык полунемых. И он же – язык агрессии полунемых, язык реванша полунемых. Оттого он и похож на брань, хотя в общем-то бранью не является. Он – шоковое привлечение внимания. Когда человек не уверен, что его услышат, – человек вопит. Когда человек не уверен, что его поймут, что он сумеет выразиться так, чтобы его поняли, – он матерится».

Мат – единственная разновидность национального языка, использование которой в общественных местах юридически запрещено, поскольку это нарушает нравственные, этические, религиозные нормы и предписания. И единственная разновидность, с

которой знакомы все без исключения слои российского общества, включая иностранцев, недавно приехавших в нашу страну. Исследование Всероссийского центра изучения общественного мнения под названием «Русский быт» показало, что каждый второй мужчина и каждая четвертая женщина России матерятся практически ежедневно. Сегодня или вчера ругались матом 27 % русских пенсионеров, 31 % домохозяек, 44 % руководителей, 40 % студентов и служащих, 54 % безработных. Исследования другого центра, *monitoring.ru*, говорят, что самые заядлые матерщинники в России - руководители и рабочие. А самые культурные – городские старушки. Ругаются матом иногда 52 % россиян, 13 % матерятся часто, и только 35 % не делают этого никогда. При этом люди с высоким уровнем дохода позволяют себе выражаться чаще, чем граждане со средним достатком (см. об этом: Хорхой О., эл. ресурс: [<http://www.proza.ru/texts/2003/08/23-73.html>]).

Итак, в начале нового тысячелетия русский мат переживает период своего небывалого расцвета. Матерные слова и выражения звучат в публичных выступлениях звезд шоу-бизнеса, в телепрограммах, рассчитанных на массовую аудиторию, ими «подсаливают» свою речь представители артистической богемы, литературных кругов, бизнесмены и народные депутаты. Он стал важной составляющей современной эмоциональной русской речи, своеобразным языком социального взаимодействия, который демонстрирует «систематическое поругание высокого понимания человеческой природы, последовательное снижение, вплоть до автооскорбления, самонасилия» (Советский простой человек, 1993: 85).

Уникальность русского мата заключается в том, что его словарь зиждется всего лишь на 10 – 12 словообразовательных основах. На их

базе создается множество производных и эвфемизмов, а также неисчислимо количество непристойных словосочетаний и фразеологических оборотов. При этом значение производных матерных выражений обычно не имеют отношения к сексу или детородным органам. Они обозначают сильные чувства человека: негодования, крайнего удивления, восторга, высшую степень безразличия и др. Все матерные слова многозначны. Они способны, помимо прямого значения, передавать такие смыслы, как, например, “кошмар, катастрофа, конец всему”, “зачем”, “восхитительно”, “очень плохо”, “разломать”, “разбить”, “избить”, “украсть”, “надоесть” и мн. др.

Исследователи отмечают, что лексико-фразеологический состав современного русского мата быстро увеличивается, поскольку постоянно генерируется живой «площадной» речью (Мокиенко, 1994). «Матерщины в русском языке гораздо больше, чем казалось. Много тысяч слов», – признаётся автор многотомного Словаря русского мата Алексей Плущер-Сарно (Стахов, 2002, эл. ресурс: [http://www.laertsky.com/sk/sk_069.htm]). Первый том его словаря посвящен только одному матерному слову, от которого образуются около 500 выражений. Лексикограф выделяет у них несколько тысяч значений. Второй том выводит потрясенного читателя еще на одно матерное семантическое поле, которое включает более 800 единиц! Последние бесцензурные десятилетия убедили многих, что «живописный мат» – неотъемлемая часть специфической русской культуры: он используется в фольклоре, в произведениях и переписке таких знатоков и ценителей русского слова, как А.С. Пушкин, И.С.Тургенев и А.П. Чехов... Писатель В. Ерофеев, в творчестве которого мат играет одну из ключевых идеостилевых ролей, называет его «языком-оборотнем»: «Мат похож на стон. Но это стон

раненого, униженного, раздавленного существа, которое не только молит о спасении, но и тоскует по мести. Мат – военный клич, язык магической войны, выродившийся в бессмысленные междометия. ... Мат живописен. Пользуясь гибкостью русских суффиксов и многообразием приставок, заигрывая с фонетически близкими нормативными словами, он рождает антропоморфные образы. Мат – языковой театр, минимализм словесного материала, покрывающего собою Вселенную. <...> Существует мат – преодоление проблем, выход из одиночества: материться – значит быть «своим». Мат – вдохновитель побед. С матом советские солдаты шли в атаку против нацистов, а советские хоккеисты побеждали канадских. Ругаясь матом, я освобождаюсь от запретов, обретаю силу, становлюсь выше общества, закона, культуры, условностей и морали. В мате я – сверхчеловек, не знающий пределов» (Царство мата, эл. ресурс: [<http://www.log-in.ru/articles/327/>]).

Феномену современного русского мата посвящено множество научных исследований, как за рубежом, так и в пределах отечества. Их авторов можно разделить на два больших лагеря: тех, кто включает мат в «архетип российской натуры», и тех, кто «второй руководящий язык» считает лишь следствием тотального кризиса русской речевой культуры. Истина же, как и обычно, посередине.

Ну а что же народ? Как он относится к расширению «поля русской брани»? Фонд «Общественное мнение» недавно провёл всероссийский опрос, задачей которого было выявить отношение россиян к мату. Результаты опроса таковы: менее трети россиян (29 %) никогда не употребляют в речи нецензурные выражения. Большинство – 64 % – считают, что употреблять в речи нецензурные выражения недопустимо ни при каких обстоятельствах. Чаше других эту точку зрения разде-

ляют женщины (72 %) и люди старше 50 лет (76 %). Треть наших сограждан (32 %) все же уверены, что употреблять в речи нецензурные выражения иногда допустимо. Такую позицию 17 % респондентов аргументирует, прежде всего, стрессом, когда необходимо выплеснуть сильные эмоции и разрядиться. 6 % утверждают, что важна не ситуация, а определенные условия, когда конкретное окружение допускает или даже стимулирует употребление ненормативной лексики, например в «пьяной компании». 5 % считают, что мат можно употреблять как выразительное средство, для того чтобы добиться большей экспрессии, взаимопонимания, да и вообще так проще выразить сложные мысли и чувства. 1 % опрошенных убеждены, что материться можно «повседневно», «в любых жизненных ситуациях», «всегда, и как еще!». И в то же время 70 % респондентов признались, что большинство их знакомых употребляют в своей речи нецензурные выражения (Отношение россиян к мату, эл. ресурс: [<http://www.newsru.com/russia/20oct2004/mat1.html>]). Завершая фрагмент об «отменном здоровье» русского мата, вновь процитирую В. Ерофеева, который противоречит самому себе, очень точно выражая близкую мне позицию: «Мат социально неприличен не сам по себе, но как носитель «прокисшей» народной идеологии, в которой звучит отказ от серьезного, созидательного отношения к жизни. Мат утверждает, что жизнь в России похабна, и отражает цинизм выживания во что бы то ни стало. Такой мат – угроза культуры, образ контрпродуктивности» (Царство мата, эл. ресурс: [<http://www.log-in.ru/articles/327/>]).

Подавляющее большинство ненормативных функционально-семиотических подсистем современного русского национально-го языка в настоящее время далеки от того состояния, которое называют «кризисным».

Напротив, сегодня они, как и прежде, «отменно здоровы» и даже оказывают влияние на литературный язык. Их маркирующие элементы (например, просторечные и жаргонные слова, стилистически окрашенные профессионализмы и т.п.) активно используются в художественно-беллетристическом гиперстиле, а также – в виде инкрустаций – в разговорном и публицистическом стиле литературного языка. Мы действительно имеем дело с очередной волной так называемой «демократизации» национального русского языка. В прежние века социальным субстратом этого явления была бóльшая часть населения страны, крестьянство. В XX веке Россия пережила тотальное «раскрестьянивание». Сегодня значительную часть русского коммуникативного пространства занимают просторечие и социолекты, кото-

рые обслуживают преимущественно людей с низким типом общей и речевой культуры. Нынешняя демократизация языка, как и в былые эпохи (вспомним XV и XVII вв.), болезненно воспринимается носителями элитарного типа культуры – хранителями литературных норм. Невысокая культура разговорной речи народа, тиражируемые образчики ненормированных форм письменного и устного изъяснения чувств и мыслей пока что не оказывают существенного влияния на саму систему литературного русского языка. Но закрепившиеся изменения в сфере функционирования национального русского языка в будущем отразятся на всей системе элементов и правил его высшей литературной разновидности. Таковы законы диалектической связи языка и речи. Однако об этом подробнее – в следующей статье.

Список литературы

Бондалетов В.Д. Условные языки русских ремесленников и торговцев / В.Д. Бондалетов. – Рязань, 1980. 103 с.

Жельвис В.И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира / В.И. Жельвис. – М., 2001. – 349 с.

Квеселевич Д.И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка (около 16 тысяч слов) / Д.И. Квеселевич. – М., 2003. – 1021 с.

Кёстер-Тома З. Стандарт, субстандарт, нестандарт / З. Кёстер-Тома // Русистика. – Берлин, 1993. – № 2. – С. 15-31. Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/koester-93.htm>

Кёстер-Тома З. Сферы бытования русского социолекта (социологический аспект) / З. Кёстер-Тома // Русистика. – Берлин, 1994. – № 1-2. – С. 18-28. Режим доступа: <http://www.durov.com/linguistics2/koester-94.htm>

Кибрик А. Е. Методика полевых исследований (К постановке проблемы) / А. Е. Кибрик. – М., 1992. – 147 с.

Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания / А. Е. Кибрик. – М., 1992. – 214 с.

Короткие русские слова // Режим доступа: <http://www.log-in.ru/dtSection/news/default.asp?id=327>.

Лотман Ю.М. Воспитание души: Воспоминания. Интервью. Беседы о русской культуре (телевизионные лекции) / Ю.М. Лотман. – СПб., 2005. – 624 с.

Мельц Б. У русского языка нет будущего / Б. Мельц // Вечерний Нью-Йорк. Режим доступа: <http://www.vechny.com/pismapsr/ps051701.htm>

Мечковская Н.Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков. Изд. 3-е / Н.Б. Мечковская. – М., 2003. – 312 с.

Мокиенко В.М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное / В.М. Мокиенко // Русистика. – Берлин, 1994. – № 1–2. – С. 50–73.

Народы РФ и языки. Итоги переписи // Режим доступа: <http://dipkurier.narod.ru/dipo/itogi.htm>.

Отношение россиян к мату: данные всероссийского опроса, проведенного фондом «Общественное мнение» // Режим доступа: <http://www.newsru.com/russia/20oct2004/mat1.html>

Писатели о языке // Отечественные записки. – М., 2005. – № 2. Режим доступа: <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?url=http%3A%2F%2Fwww.strana-oz.ru>

Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х. / под ред. Ю.А. Левады. – М., 1993. – 275 с.

Стахов Д. Три этажа народной этики: Интервью с Алексеем Плущером-Сарно, автором словаря русского мата в десяти томах / Д. Стахов // Огонёк. – М., 2002. – № 36. Режим доступа: http://www.laertsky.com/sk/sk_069.htm

Химик В.В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен / В.И.Химик. – СПб., 2000. – 272 с.

Химик В.В. Болезнь языка или язык болезни? / В.В. Химик // Современная русская речь: состояние и функционирование. Вып. 2. / под ред. С.И. Богданова, Н.О. Рогожиной, Е.Е. Юркова. – СПб., 2006. – С.47–75.

Химик В.В. Современное русское просторечие как динамическая система // Режим доступа: <http://fixed.ru/prikling/conf/stilsist3/sovredygfwr1.html>

Хорхой О. На матерном языке / О. Хорхой // Режим доступа: <http://www.proza.ru/texts/2003/08/23-73.html>.

Царство мата: интервью с В. Ерофеевым // Режим доступа: <http://www.log-in.ru/articles/3271>.

Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю / А.Д. Шмелев. – М., 2002. – 224 с.

Not Normative Russian Language is Always Alive

Olga V. Felde

*Siberian Federal University,
79 Svobodny, Krasnoyarsk, 660041 Russia*

The article is devoted to the state of nowadays Russian national language. Special attention is paid to dynamic development of not normative variations of the language.

Keywords: modern Russian national language, functional and semiotic differences of the language, progressive changes in the language.
